

Данная публикация представляет собой перевод главы «Третий Рейх» из книги американского исследователя Роберта Уильямса «Культура в изгнании. Русские эмигранты в Германии», выпущенной Корнеллским университетом (Robert C. Williams. Culture in Exile. Russian Emigres in Germany, 1881-1941, Cornell University Press, Ithaca and London.

1972). Это не самое полное, не самое объективное, и не лучшее по качеству исследование, но оно посвящено чрезвычайно важной и мало изученной теме.

Дело в том, что после эпохи полного замалчивания истории русской эмиграции, первые работы в данной области, появившиеся у нас, освещали преимущественно мир людей, перебравшихся во Францию и США. «Берлинский период» оказался наименее исследованным в силу особенностей идеологии Третьего Рейха. Все, что было связано с германским нацизмом, его историей, идеологией, внешней и внутренней политикой, в СССР было строго засекречено и истолковывалось лишь с официальных, марксистско-ленинских позиций.

На Западе, не менее критически настроенном по отношению к гитлеризму, неприятие идеологии и практики Третьего Рейха не привело к запрету на научные исследования в этой области. В Англии, во Франции и особенно в США, куда попали, в конце концов, многие из ценнейших архивов времен второй мировой войны, вышли сотни книг и тысячи статей о Германии первой половины 20 века. Сейчас результаты этих трудов капля по капле просачиваются в Россию. И хотя далеко не всегда можно доверять их выводам, они становятся одним из дополнительных источников нашего современного представления о недавней истории.

В книге Роберта Уильямса есть немало интересных глав. Она охватывает предысторию русско-германских связей, отношения в военный и революционный период 1914-1921 годов, описывает деятельность эмигрантских партий и организаций различного направления: монархистов, либералов, меньшевиков, эсеров и анархистов; в книге есть разделы, посвященные фило-софским обществам и кружкам, типа «евразийцев», «скифов» и «бердяевцев». Мы избрали для публикации главу, наиболее спорную и привлекательную в контексте нынешних интеллектуальных дискуссий.

Приступая к переводу, мы понимали, что обращаемся ко вторичному источнику, к тому, что в науке называется «литературой». Это особенно коробило нас тогда, когда приходилось переводить русские фамилии и имена с английской копии в немецкой транс-литерации. Ведь без знакомства с оригинальными документами легко допустить досадные неточности и явные ошибки. Но что поделаешь, когда с помощью советских и пост-советских энциклопедий невозможно проверить большинство фактов, а дополнительные подробности можно найти лишь в других англоязычных или переводных исследованиях, типа книг Джона Стефана и Уолтера Лакера.

В последние годы в России было предпринято несколько попыток самостоятельно прорваться за информационный кордон и приблизиться к правде о русских деятелях в Германии начала века. Это и книга М.Назарова «Миссия русской эмиграции», и брошюра В.Пруссакова, А.Широпаева «Слава России!», и двухтомник «Культурное наследие российской эмиграции», где есть статьи о русско-немецких связях, и новейшие публикации о главе Русской освободительной армии генерале Власове. Однако вряд ли кто-либо будет оспаривать вывод о том, что перечисленные труды лишь начало той большой научной работы, которая еще только предстоит в будущем.

Будем надеяться, что придет время, когда русские ученые смогут без каких-либо препятствий познакомиться с документальными источниками: архивами таких организаций как «Анти-Коминтерн», НСДАП, министерство иностранных дел Третьего Рейха и таких личностей, как Боткин, Лампе, Миллер, Тёттли, использовавшихся американским исследователем для написания избранного нами сюжета. А пока обратимся к переводу текста Роберта Уильямса, сделанному Еленой Лось, чтобы, узнав точку зрения автора, составить собственное мнение.

С приходом в 1933 году к власти Адольфа Гитлера история русской эмиграции в Германии снова возвращается к ее довоенным истокам. Большинство русских тогда покинули страну, осталось лишь несколько тысяч. Русские немцы были единственными политически значимыми эмигрантами в Третьем Рейхе, чья печальная судьба в России, начиная с 80-х годов XIX века, часто отражалась и в печати, и в их деятельности в Германии. Как и Вторая Империя, Третий Рейх культивировал атмосферу русофобии, в создании которой русские немцы, враждебно относившиеся к принявшей их стране, могли сыграть значительную роль. Розенберги, Шикеданцы и их друзья сыграли важную роль в создании гитлеровского представления о России как о слабой и азиатской стране, находящейся под контролем евреев-большевиков. Теперь

же они перестали быть представителями озлобленной политической группировки в Мюнхене, став экспертами и вершителями политики германского правительства по отношению к России. И этой новой роли суждено было иметь трагические последствия для обеих их родин. *В течение четырёх десятилетий, как заметил один из русских немцев, Германия обманывала себя, представляя Россию просто бумажным тигром,* главным образом потому, что подобную картину рисовали приехавшие в Германию немцы-эмигранты. Русские были не только враждебны, но и слабы. В 1941, как и в 1914 году Германия совершила фатальную ошибку, вступив в войну с нацией, которую она считала намного ниже себя. И ей снова суждено было испытать все последствия поражения.

КООРДИНАЦИЯ

Несколько тысяч русских, оставшихся в Берлине к весне 1933 года, приветствовали приход к власти Адольфа Гитлера и нацистской партии, т.к. большинство эмигрантов, не одобрявших нацизм, уже покинули страну. Те же, кто предпочел остаться, представляли собой смесь старых монархистов, нацистов во втором поколении, украинских националистов и бывших военных. Боткинский центр послал свои поздравления новому рейхсканцлеру от имени 26 эмигрантских организаций, заверяя его в своих антибольшевистских настроениях и в желании оказывать сопротивление «красному потоку» в Германии. Несколько десятков русских, принадлежащих к левому крылу, были арестованы за короткое время, и было объявлено, что все русские должны зарегистрироваться в полиции или в Nansen Office для получения разрешения на проживание в Германии. Но страхи высылки были развеяны, когда Боткин и Лампе были вызваны на Вильгельмштрассе и им было обещано, что никаких значительных перемен в положении эмигрантов не произойдет.

Политические группировки в эмигрантской среде после 1933 года представляли собой страшную смесь русских и нерусских элементов. Старые монархисты в основном поддерживали великого князя Кирилла. Через Бискупского, представителя Кирилла в Германии, они также поддерживали связь с более молодыми правыми эмигрантами, связанными с молодым русским движением Александра Казем-Бека (Младороссами) и в Германии, и за границей. Существовали также и русские нацистские организации — Русское национал-социалистское движение и отделение Всероссийской Фашистской партии, центр которой находился в Харбине (Китай). Российский общевойсковой союз (РОВС) под руководством Лампе, так же как и Национальный союз нового поколения, или Национальный трудовой союз (НТС), как он стал называться позднее, имели свои отделения в Берлине. Кроме того, существовало несколько украинских групп: последователи Петлюры, сторонники гетмана Скоропадского и Украинский

национальный союз (УНСО) под руководством полковника Евгения Коновалека. Общим для всех этих группировок были недоверие к соперникам, надежда на щедрость нацистов и страстная ненависть к большевизму.

В первые месяцы после прихода к власти нацистов характерной чертой состояния эмигрантской среды была взаимная враждебность. Первоначальные попытки Бискупского представить себя лидером объединенной монархистской эмиграции в ту весну кончились ничем. Он провел несколько месяцев в тюрьме, перед тем как вновь безуспешно появиться в 1934 году на Вильгельмштрассе перед нацистами. Соглашение между РОНД и младороссами, заключенное в сентябре 1933 года, оказалось недолговечным. Церковь раскололась на сторонников епископа Тихона в Берлине и митрополита Евлогия в Париже. Молодые русские находились в сложных отношениях и с армией (РОВС) и с Высшим монархическим советом в Париже. Всероссийская фашистская партия соперничала с Всероссийской фашистской организацией в США. Украинцы также разделились: на прогерманцев (германистов) и профранцузов (республиканцев).

Все эти группы не теряли времени, стремясь продемонстрировать свое отношение к новой Германии и получить от этого выгоду. И Бискупский, и его друг Петр Шабельский уверяли Вильгельмштрассе в своих антибольшевистских настроениях и в преданности Германии. Сторонники правительства Директории Украины постоянно посылали в Министерство иностранных дел просьбы о деньгах и заявления, направленные как против сторонников Гетмана, так и против последователей Петлюры. Один из офицеров Авалова предложил Герингу и ведомством Вильгельмштрассе использовать эмигрантов при организации антисоветской террористической деятельности. Наконец, существовал меморандум некоего «Доктора Калигулы», от имени русского народа обращенный к самому Гитлеру, где заявлялось, что Красная армия готова к восстанию и что эмигранты формируют новое русское правительство.

На первых порах это не производило впечатления на нацистов. Министерство иностранных дел продолжало относиться к эмигрантам, как к совершенно ненадежной политической организации. Пронацистская РОНД скоро была разогнана полицией за политическую деятельность, а ее наследница — Партия русских борцов за свободу, возглавляемая Аваловым, также находилась под пристальным наблюдением гестапо. В августе 1933 года некий доктор Мюллер из Хемница написал длинный меморандум для министерства иностранных дел, в котором предупреждал, что для немецкого народа не может быть ничего худшего, чем поддержать антисоветские авантюры эмигрантов и что так же, как русские люди ненавидят большевиков, с такой же силой ненавидят они и эмигрантов — более всего аристократию (особенно балтийских немцев), бывших офицеров, крупных капиталистов и землевладельцев. Большинство немецких

чи-новников, вероятно, придерживалось такой же точки зрения.

Зимой 1933-1934 годов, однако, но-вые люди в нацистском руководстве ре-шили, что лучше «координировать», чем игнорировать и подавлять деятельность русских. В худшем случае, считали они, правящая партия по крайней мере бу-дет проинформирована о политических движениях внутри лагеря эмигрантов; в лучшем случае эмигранты могли бы даже оказаться полезными. Двум органам власти было поручено выполнение это-го задания: Министерству пропаганды и Управлению иностранных дел нацист-ской партии.

Внутри двух этих правительственных организаций вопросы координации и контроля за деятельностью различных эмигрантских организаций скоро оказа-лись в ведении группы русских немцев, которые пробилась в нацистскую пар-тию в 1920-х годах. Главным среди них был Альфред Розенберг (род. в Ревеле в 1893, учился в Риге и в Москве — *ред.*). В конце 20-х годов он продолжал раз-вивать свою теорию еврейско-большевистского заговора на страницах «Фелкишер Беобахтер» (Народный Наблюда-тель) и своего фундаментального «Мифа XX века». Теперь ему был доверен пост главы Отдела внешней политики в пар-тии, где он продолжал развивать свои антисоветские взгляды в 30-х годах. Ро-зенберг привел с собой и своего школь-ного товарища, такого же, как и он, анти-семита Арно Шикеданца. В своей книге 1927 года «Еврейство как анти-раса» Шикеданц характеризовал евреев как «незаконнорожденное племя». К этим двум балтийским немцам присоединил-ся и Георг Ляйббрандт, выходец из Одессы, глава «восточной секции» от-дела Розенберга. Будучи студентом в Дорпате во время первой мировой вой-ны Ляйббрандт был призван в герман-скую армию в 1918 году, и проведя 20-е годы в немецких, английских и амери-канских университетах вернулся в Гер-манию в 1933 году.

У Розенберга были и соперники. Министерство пропаганды, возглавляе-мое Йозефом Геббельсом, было также заинтересовано в использовании анти-большевистских настроений эмигрантов в целях пропаганды. Один из помощни-ков Геббельса, Эберхарт Тауберт, был особенно увлечен этой возможностью. Вскоре после захвата Гитлером власти Тауберт вновь обратился к идее орга-низации объединенного фронта из эми-грантских и немецких организаций для борьбы с большевизмом, к идее, кото-рая была чрезвычайно популярна в пар-тии год назад. Для этого он пригласил на службу двух других русских немцев:

Адольфа Эрта — писателя, сочинявше-го антикоммунистические произведения для Высшей немецкой школы политики (Эрт родился в Саратове в 1902 году — *ред.*) и

Евангелической церкви, и Эвальда Амменде, балтийского немца, эмигранта, известного в кругах заграничных немцев, а позднее генерального секретаря Европейского совета национальностей. Зимой 1933-1934 гг. Эрт стал во главе учреждения, которое Тауберт называл *Союзом немецких антикоммунистических обществ*, позднее сократив до Антикюминтерн. Это была организация, которая боролась с Отделом внешней политики Розенберга за контроль над деятельностью тех русских эмигрантов, которых они никогда не верили и не доверяли, но которых не могли не замечать.

С самого начала соперничество между двумя органами нацистской пропаганды было весьма значительным. Сначала возникли проблемы, вызванные тем, что сотрудник Тауберта попытался войти в контакт с ведомством «Восток» в ноябре 1933 года, утверждая, что антикоммунистические планы Тауберта малоэффективны. Затем была продолжительная борьба за контроль над деятельностью эмигрантов, такой, как, например, издание русскоязычной газеты «Новое слово». Наконец, были постоянные личные столкновения между Ляйббрандтом в ведомстве «Восток» и Таубертом в Антикюминтерне, которые отразились во внутренней переписке отдела Розенберга. Подобная конкуренция между отдельными властными институтами и частными лицами была нехарактерна для других структур Третьего Рейха.

Соперничество между ведомством «Восток» и Антикюминтерном едва ли вызвано большой заботой об эмигрантах как таковых. Скорее всего, нацисты воспринимали их как недоразумение, а не как союзников. Сам Гитлер уделял не слишком большое внимание правым русским и украинским эмигрантам, которые группировались вокруг него в начале 20-х годов в Мюнхене, а в октябре 1934 года Имперская канцелярия известила ведомство «Восток», что Фюрер в целом против переоценки политического влияния эмигрантов. Отношение Ляйббрандта было аналогичным: пока эмигранты не создают особых проблем и работают «тихо», их можно терпеть. Министерство иностранных дел также «не было заинтересовано в поддержке эмигрантских организаций». В частных заявлениях ведомство «Восток» характеризовало эмигрантские политические организации, как «не имеющие большого значения» и предупреждало, что, вступая с ними в любые контакты, «необходимо быть очень осторожным».

Несмотря на столь циничное отношение, обе организации тратили огромное количество времени, нанимая эмигрантов для пропагандистской работы и для поставки информации о тех самых русских, которых нацисты так недолго любили. Среди сотрудников ведомства «Восток» были Харальд Зиверт, еще один школьный друг Розенберга; эмигрант из Грузии Александр Никурадзе; Николай Тальберг, бывший член Высшего монархического совета, который теперь работал берлинским корреспондентом парижского журнала «Возрождение»; выдающийся специалист по

Турк-мени Герхард фон Менде, который имел собственную сеть помощников из Туркестана, Грузии и Украины. Некоторые эмигранты писали для пропагандистской деятельности Антикоминтерна. Других нанимали как лекторов и экспертов для антибольшевистской Школы внешней политики Розенберга и семинара Эрта в Высшей немецкой школе политики. На каждого нанятого на работу эмигранта приходилось несколько людей, нуждавшихся в тех деньгах, которые могли принести книга, перевод или доклад.

Какие же идеи выдвигались этими организациями в 30-х годах? В основном, это были критические слегка измененные старые антибольшевистские статьи, которыми эмигранты наводнили Германию. Наиболее популярными были книги о еврейском заговоре, отчеты русских немцев о жестокостях в СССР. Эрт проложил дорогу, показав в нескольких книгах, что все преступления в Веймарской Германии были совершены коммунистами и социалистами; что за большевистской опасностью стоят евреи и масоны; и что величайшая опасность для общества заключена в действиях сталинского Коминтерна. Русские специалисты готовили для Антикоминтерна обстоятельные доклады, где доказывали, что Академия наук СССР управляется евреями, что корни большевизма можно разглядеть уже в «Бесах» Достоевского, что в России и Европе большевики с 1917 года уже убили 41.562.500 человек, что большевики находятся в секретном союзе с англо-американской плутократией и что евреи руководили русским революционным движением до 1917 года. Рудольф Коммосс, немец, сидевший некоторое время в тюрьме в России в 1930 году, приобрел славу своей книгой «Евреи за Сталиным» (1938), эксперт по праву Райнхард Маурах поддерживал идею черты оседлости и обещал, что «решение еврейской проблемы в Европе» вступило в свою «решающую стадию». Наконец, журнал «Анти-Коминтерн» наряду с обычными антисоветскими и антисемитскими статьями эмигрантов опубликовал последние антибольшевистские свидетельства, сообщенные сбежавшими капитанами кораблей. Всеми этими путями нацистская пропагандистская машина заставляла русских выступать с обвинениями.

Большая часть работы Антикоминтерна была адресована немецкой и, вообще, европейской аудитории, при этом свидетельства эмигрантов использовались для ударов по СССР. Кроме того, правые русские эмигранты могли так же считаться свидетелями старой истории о связях между евреями и русской революцией. Интересным примером того, как нацисты использовали русских в 30-х годах, является дело о «Протоколах сионских мудрецов». Эта русская анти-семитская публикация была привезена в Германию в конце 20-х годов эмигрантами. В 1934 году в связи с процессом о «Протоколах» в Берне публикация их стала одной из акций Адольфа Эрта. Полковник в отставке Ульрих Фляйшауер в Эрфурте был избран для организации защиты, естественными свидетелями стали, разумеется, русские эмигранты.

ДЕЛО БОРИСА ТЁДТЛИ

«Протоколы» попали в поле зрения публики в 1930-х годах, когда правая швейцарская националистическая организация, известная как Национальный фронт, стала распространять их экземпляры на демонстрации в Берне в июне 1933 года. Группа ведущих евреев Швейцарии сразу же начала судебный процесс против распространителей, заявляя, что документ, описывающий еврейский заговор с целью захвата мира, подпадает под обвинение в «оскорбительных публикациях». На суде, состоявшемся в 1934 году, истцы представили свидетелей, таких как Хаим Вейцманн, Владимир Бурцев и Борис Николаевский. Защита не смогла подтвердить подлинность документов. Поэтому суд был отложен до апреля 1935 года.

В ноябре 1934 года Ульрих фон Ролл, руководитель Бернского отделения Национального фронта, обратился к нацистам в Мюнхене для помощи в организации защиты «Протоколов», что привело к тому, что этим делом занялся Фляйшауер и в результате потративший более 30 тысяч марок на этот процесс. Фон Ролл, однако, скоро разошелся с фляйшауером, который настаивал на подчинении интересов Швейцарии Третьему Рейху. Ища кого-нибудь более уступчивого, Фляйшауер обнаружил одного из заместителей фон Ролла по Бернскому Национальному фронту, человека, который идеально подходил для организации защиты «Протоколов» — Бориса Тёттли.

Так же, как Розенберг и Шойбнер-Рихтер, Борис Тёттли принадлежал к двум мирам: русскому и немецкому и мог с легкостью перемещаться от кругов политической эмиграции к бюро-кратической машине нацистской партии. Он родился в 1901 году в Киеве в семье шведов и проучился только год в медицинском институте, когда произошла февральская революция. Он вступил добровольцем в Белую армию, принимал участие в боевых действиях, и в октябре 1919 года потерял слух в результате взрыва бомбы. Захваченный в плен Красной армией около румынской границы в начале 1920 года, Борис Тёттли заболел тифом и был отправлен в госпиталь в Одессе. Затем он жил со своими родителями, пока в январе 1922 года не эмигрировал.

Бывший офицер, без каких-либо гражданских навыков, Тёттли в 20-х годах занимался то одной, то другой случайной работой. В 1923 году он изучал фотографию в Цюрихе, работал там два года, затем переезжал в Париж, Женеву и Лозанну, пока, наконец, в 1932 году не поселился в Берне, где стал зубным техником. До 1933 года, когда он присоединился к Национальному фронту фон Ролла, Тёттли, очевидно, не занимался

никакой политической деятельностью. Только в этом году эмигрант предложил свои услуги нацистам, когда его способность свободно изъясняться на двух языках и его антисемитизм сделали его полезным посредником между русскими и немцами.

Присоединившись к Национальному Фронту, Тёттли начал устанавливать контакты с правыми русскими кругами. В июне 1933 года РОНД присваивает Тёттли титул «лидера русских национал-социалистов в Швейцарии», и, может быть, благодаря этому копии «протоколов» попали в руки Национального фронта. Когда Марков из Всемирной службы в ноябре 1934 года попросил его помочь в организации судебной защиты протоколов, он сразу же согласился стать «главой швейцарской секции русского «Имперского союза» и отправил письма к десяткам правых эмигрантов с просьбами о свидетельских показаниях в суде. К октябрю 1935 года он уже видел себя главой всеевропейской русской фашистской партии, но все же был новичком в политике.

Усилия Тёттли по защите протоколов не были вознаграждены. И дело было не в нежелании его корреспондентов. Открыто заявленной целью РОНДа было «открыть глаза всем нашим братьям на настоящего врага» — евреев, и эта организация защищала подлинность протоколов в прессе. Марков II в своей газете «Жидовед» призывал всех «национально-сознательных» русских эмигрантов работать для «освобождения России от жидо-масонского ярма». И хотя такие корреспонденты Тёттли, как генерал Краснов, бывший «евразиец» Н.Н. Алексеев и Н.Д. Жевахов, биограф автора «Протоколов», признавали подлинность «Протоколов», они отказывались от поездки в Берн, требуя поддержки и материальной помощи, которых Тёттли не мог добиться от своих боссов из Всемирной службы. В конце концов только Фляйшауер был призван для свидетельства перед судом, а русские свидетели так и не появились.

Процесс только разжег политические аппетиты Тёттли. В результате он вошел в тесный контакт с русской эмиграцией и нацистской бюрократией, и бернская полиция арестовала его по обвинению в шпионаже. Тёттли ставился в вину, что он стал платным агентом германского правительства и прочая политическая деятельность, которая стала очевидной из его переписки с русскими эмигрантами.

В своих отношениях с нацистами Тёттли, очевидно, сделал ошибку, ища поддержки в двух враждебных лагерях германской бюрократии: геббельсовском Министерстве пропаганды и в отделе внешней политики Розенберга, отношения с которым были установлены через Фляйшауера.

Последний после процесса попросил Тёдли заняться распространением в Швейцарии книг издательства «Бодунг ферлаг». Так как доход от этой деятельности был недостаточным для покрытия всех его нужд, Тёдли летом 1935 года берет на себя дополнительное задание по шпионажу за немецкими эмигрантами в Берне для Розенберга. Посредником здесь выступал Харальд Зиверт, друг Розенберга, который специализировался на сбыте документов немецкому правительству в 20-х годах. К сожалению, Зиверт не только не смог выполнить свои обещания о материальной поддержке и личной встрече с Розенбергом, но и сам Тёдли был настолько наивен, что проинформировал Фляйшауэра о своих новых друзьях и могущественных покровителях. Кроме того, он использовал деньги Всемирной службы, чтобы послать свою жену и ребенка на 5-ти недельный отдых в Баварию. Несмотря на уверения Фляйшауэра в преданности Тёдли Третьему Рейху интриги последнего лишили его германских симпатий в тот момент, когда у него возникли проблемы со швейцарскими властями. Тёдли сам стал причиной своего конца.

То, что Тёдли был на содержании у нацистов столь долгое время, вероятно, связано с мощной антикоммунистической кампанией, начатой Геббельсом в связи с антикоминтерновским пактом (ноябрь 1936 года) и началом гражданской войны в Испании. Несмотря на незначительную роль русских эмигрантов в политике, они все еще сохраняли некую пропагандистскую ценность как свидетели против СССР, и Геббельс планировал представить некоторых из них на съезде партии в Нюрнберге в сентябре. Поэтому когда в апреле 1936 года К. В. Родзаевский назвал Тёдли «европейским лидером» Всероссийской фашистской партии, он, вероятно, сам того не сознавая, внёс значительный вклад в политическое долголетие Тёдли среди нацистов. Кажется, что и нацисты, и такие враги Тёдли, как центральное еврейское информационное агентство в Амстердаме, значительно переоценили важность деятельности Тёдли и его русские связи. Письма, конфискованные швейцарской полицией, казалось, обнаруживали обширную международную работу. Они включали многословные инструкции Тёдли К.П.Кондратьеву, главе русских фашистов в Болгарии: «Ваше задание — собирать информацию, касающуюся любого, кто имеет какое-либо значение в эмигрантском движении и близок с евреями и масонами». За мнимыми сообщениями разведки из СССР, планами о посылке добровольцев Франко, разговорами об армии сторонников русских фашистов в Софии, Париже, Харбине, Константинополе и Варшаве скрывался мир, созданный в фантазии оскорбленных эмигрантов. Само назначение Родзаевским Тёдли своим человеком в Европе было частью конкуренции с Вонсяцким за контроль над русским фашистским движением; эта «так называемая» секретная корреспонденция состояла из обещаний Тёдли послать материалы о Вонсяцком в гестапо, его заявлений о том, что внутри русской диаспоры существует 2500 истинных друзей Германии, отправки дополнительного номера газеты Штрайхера «Штюмер» в Харбин и получения взамен экземпляра «Нашего пути» и т.п.

Центральная тема всей корреспонденции Тёдтли — финансы. В июне 1936 года он писал, что русские фашисты должны завязать тесные связи с Германией и избрать Мюнхен своим центром. Он обещал, что Министерство пропаганды поможет им. Двумя месяцами позже он жаловался, что партия Родзаевского не дает ему денег и что «невозможно, будучи бедным, оставаться независимым. Единственная надежда — поддержка из Германии». Для Тёдтли, как и для многих других эмигрантов, политика была средством существования.

Политическая наивность Тёдтли стала особенно очевидной в его отношениях со швейцарской полицией после его ареста осенью 1936 года. С одной стороны, он не скрывал, что его собственный горький опыт в России вызвал его антисемитизм. «Я — антисемит вследствие личного опыта», — заявил он в полиции. «Я сочувствую НСДАП и существующему в Германии режиму в принципе, потому что я противник большевизма и еврейства, которые, как я считаю, ответственны за нынешний кризис в мире». С другой стороны, Тёдтли рассматривал антисемитизм скорее как откровение, чем как политическую теорию. Он постоянно утверждал, что его антисемитизм и антибольшевистская деятельность были «несколько не связанными с мелкой политикой» и что Анти-коминтерн и Всемирная служба были организациями, охраняющими покой мира, а не просто маленькими винтиками в нацистской бюрократии.

Частично это было оправдание против обвинения в шпионаже в пользу Германии, обвинений, которые доказывались с помощью его переписки с Фляйшауером. Но это отражало и общую неопытность Тёдтли в вопросах политики, из-за которой он исчез с политической сцены так же быстро, как и появился. В 1937 году он был приговорен к 2-х месячному заключению, но бежал в Германию. В мае 1938 года, как представитель русских фашистов на объединенной встрече различных правых русских организаций в Берлине (среди которых были и РОНД, и РОВС, и НТС) Тёдтли последний раз появляется на сцене эмигрантской политики. И в 1939 году после подписания пакта Молотова-Риббентропа между Германией и СССР, Тёдтли был выслан в Швейцарию, где тут же был посажен в тюрьму. Он умер во время Второй мировой войны. Тёдтли едва ли был крупной политической фигурой, и тем не менее его судьба весьма интересна. Подобно многим другим эмигрантам, бизнесменам, антисемитам и консерваторам он ошибался, думая, что сможет использовать нацистов так же, как они использовали его.

«новое слово» и ГЕНЕРАЛ ВИСКУПСКИЙ

Помимо вклада в нацистские пропагандистские операции, эмигранты проводили свои собственные мероприятия. Так же, как и большинство русских организаций и

институтов, газета «Новое слово» была полностью под контролем немцев, сначала через Анτικο-минтерн, потом через ведомство «Вос-ток». Таким образом, газета была не только органом русской эмиграции в 30-х годах, но и средством нацистской пропаганды в эмигрантской среде. Борьба за контроль над газетой, таким образом, обостряла и отражала внутреннее политическое противостояние как внутри нацистской бюрократии, так и внутри эмигрантов.

В мае 1933 года первый выпуск «Нового слова» провозгласил своей целью «новую свободную Россию» и добавил, что «вчерашний враг — Германия — завтра будет лучшим другом», утверждалось, что «Молодые россияне» имеют связи с гитлеровским движением еще с 1933 года, движение РОНД также получило теплую поддержку, а полковник Авалов заявил, что «мы сумеем преодолеть моральный раскол эмигрантов и организовать их для успешной борьбы за освобождение отечества». В следующем году эмигрантам удалось издать еще два выпуска газеты, в которой делались обычные заявления о том, что Советский Союз переживает экономический кризис, который приведет к массовым восстаниям, что Гитлер — новый великий вождь антибольшевистской борьбы, что Великий князь Кирилл — законный наследник трона Романовых и что будущие правители будут управлять Россией, основываясь на принципах семьи, власти и труда.

До лета 1934 года «Новое слово» выходило только как нерегулярное издание колонии, отражая ее не вполне четкие фашистско-монархические взгляды. Затем 1 августа 1934 года ее четвертый выпуск вышел под редакцией балтийского немца и бывшего офицера Николая Хершельманна, а газета стала регулярно выходить два раза в неделю. Однако реальная сила, которая стояла за ней, был Антикoминтерн и редактор немецкоязычного приложения к газете Рудольф Коммосс. Коммосс вступил в нацистскую партию в 1932 году и вскоре после этого уехал в СССР для учебы. Арестованный органами НКВД, он провел некоторое время в тюрьме, изучая русский язык, и вернулся в Германию как профессиональный большевик. Двуязычие Хершельманна и Коммосса помогло нацистам получить финансовый и политический контроль над газетой. Затем в сентябре 1934 года в редакцию вошел также русский эмигрант, грек по происхождению Владимир Деспотули. Именно под его руководством «Новое слово» стало добровольным рупором нацистов среди русских эмигрантов.

Цели «Нового слова» не сильно отличались от ранних заявлений правых эмигрантов или тогдашних заявлений Антикoминтерна. В ответ на формальный протест советского посольства, что газета является «антисоветской» операцией, Хершельманн обещал, что «наша газета не имеет никакого отношения к русским национал-социалистам РОНД, но является абсолютно вне-партийным органом, а Коммосс добавлял, что «мы боремся не против Советского Союза, но против Коммунистического Интернационала, который

для нас враг любой нации» (последнее замечание, вероятно, сильно позабавило Сталина). «Новое слово» откровенно признавало свою функцию органа антикоммунистической пропаганды, функцию, которая, как надеялись многие, выйдет за рамки только эмигрантов и распространится на сам Советский Союз. Газета вскоре разорвала отношения со старшим поколением монархистов и белых офицеров. «Новое поколение», — писал Деспотули, — «не желает освобождения оодины с помощью иностранцев; «белая идея» мертва, убита старыми «беззубыми правителями», которые теперь загорают на Ривьере и Адриатике; эти люди должны быть заменены «новыми силами». Кто были эти «новые силы», однако, было неясно.

Некоторое время в 1934-1935 годах страницы газеты были оживлены интересными статьями правого журнала И.И.Колышко, который попеременно писал под псевдонимами Баян, Современник и Н.Ермаков. Он считал, что Россия — страна с двумя волями, восточной и западной, азиатской и европейской, что основной ее дар — ее культура, духовное наследие, которое в будущем должно быть восстановлено. Значение немецкого национал-социализма заключалось в том, что он представлял собой религиозное возрождение в традициях Реформации, «национальную религиозную миссию» против «безбожного господства над миром» евреев. Подобное было возможно и в России, так как духовные силы народа мало изменились за последние годы, несмотря на все усилия как царского, так и советского правительства. Колышко отличало от множества других писателей то, что он воспринимал нацистов не просто как еще одну антибольшевистскую силу, но и как модель для нового национализма. К лету 1935 года, однако, его статьи исчезли со страниц «Нового слова», которое все больше и больше писало только об антисемитизме.

В конце 1936 года контроль над «Новым словом» перешел от Анτικοминтерна к отделу внешней политики Розенберга и его Ведомства «Восток». Ляйббранд был весьма горд тем, что его газета была теперь «под нашим политическим контролем», и ему удалось получить от Розенберга необходимые для управления ею денежные средства. Деспотули сохранил пост главного редактора, хотя в конце 1930-х годов на этот пост претендовал генерал Бискупский, который с 1938 года был главой официальной эмигрантской службы и всегда готов к новым делам. Бискупский зимой 1937-1938 годов вступил в контакт с Таубертом и Ляйббрандтом, обратившись к ним с просьбой о финансировании «Нового слова» и желал получить пост главного редактора. Он даже получил определенные обещания поддержки от обеих соперничающих организаций. Однако в феврале 1938 года Бискупский был вызван в офис Тауберта и ему сообщили, что он не получит поддержки ни от одной из организаций и что Деспотули остается редактором. В конце концов, карьеру Деспотули оборвали не эмигрантские интриги, а пакт Молотова-Риббентропа. Еще некоторое время он пользовался щедростью нацистов и выступал на съездах партии в Нюрнберге, являя собой пример антисоветского эмигранта, но потом советско-германский пакт сделал его весьма неудобной фигурой. В сентябре 1940 года существование газеты, которую критически

настроенные эмигранты называли «немецкой газетой на русском языке», закончилась. И обвинения Деспотули в том, что Бискупский являлся тайным агентом Советов, не смогли оживить ее.

Так же внимательно, как за прессой, нацисты наблюдали за церковью и другими «официальными» организациями колонии. Ведущий православный священник в Германии епископ Тихон в течение нескольких лет поддерживал парижскую епархию Евлогия, и большинство священников в Германии также следовали этому. Однако позже Тихон отвернулся от более консервативных балканских священников, центр которых находился в Стремцы Карловцы, что вызвало раскол в рядах Русской Православной Церкви в Германии. Как любая другая социальная и политическая группа в эмигрантской среде, церковь раскололась после прихода нацистов к власти. Неудивительно, что немцы решили заручиться поддержкой церкви в Стремцы Карловцы. Для чего был издан указ 28 октября 1935 года, по которому создавалась новая епархия. «Русскую православную епархию» в Германии возглавлял теперь новый епископ, Серафим, член Синода в Карловцах. И хотя эмигрантам было позволено следовать собственной религии, в определенных местах политические рамки этой церкви были четко определены резкими антисемитскими и антибольшевистскими заявлениями ее лидеров.

Точно так же нацисты скоро избавились от старшего поколения самостоятельно мыслящих людей, подобных Боткину, поставив на их место в Фертрауенштелле лояльных антисемитов. Именно таким способом Бискупский, в конце концов, стал формальным представителем русской колонии в Германии. В октябре 1935 года Бискупский представил доклад о политической деятельности русских монархистов, подчеркнув, естественно, важность и законность требований сторонников Кирилла. Он также приложил различные документы, такие, например, как письмо Кирилла Бискупскому с похвалой его отличной работе и напоминанием о тех днях в Мюнхене, когда Кирилл с Шойбнер-Рихтером оказывали партии финансовую поддержку. К удивлению многих эмигрантов Бискупскому удалось в мае 1936 года стать главой Фертрауеншталле, причем помог ему в этом никто иной как убийца Владимира Набокова Сергей Таборитский. С высоты своего нового положения Бискупский затеял новую серию интриг.

Нацисты рассматривали Бискупского на его новом посту как нечто абсолютно безопасное: он будет просто раздавать визитные карточки, перебирать бумажки и не будет, по мнению гестапо, иметь никакого политического значения. Но немцы недооценили генерала. В ближайшие три года Бискупский хотел возвращения того, что он считал долгосрочным долгом нацистов за деньги русских эмигрантов, которыми те обеспечивали их в 20-е годы. И как и в большинстве случаев попытки эмигрантов

использовать нацистов так, как те использовали их, оказались неудачными.

Осенью 1936 года Бискупский узнал, что в Банке Мендельсона в Берлине находится счет на сумму около 200000 немецких марок на имя Николая II. Принадлежал ли этот счет уже не существующей российской короне или лично семье Романовых — было сложным юридическим вопросом. Открытый летом 1905 года как защита от революционных событий того года, этот счет вызывал множество интриг в среде русских эмигрантов. Директора банка сами признавали, что принадлежность счета была неопределенной. Великий князь Кирилл обещал Бискупскому 15% от той суммы, которую тот может получить, но ему нужно было сражаться с двумя другими претендентами — советским правительством и госпожой Чайковской (Анастасией), которая жила в США и чьи интересы представлял юрист Пауль Лаверкуен, друг Шойбнер-Рихтера. У Бискупского, как и у большинства эмигрантов, не было денег, а счет Романовых мог бы помочь решить эту проблему. Пытаясь решить эту проблему, Бискупский не терял времени даром. 12 мая 1936 года он направил в Имперскую Канцелярию просьбу об интервью с Гитлером, которую он вынужден был повторить месяцем позже. 12 ноября, вероятно, через посредничество Харальда Зиверта он был удостоен получасовой беседы, но ему не были даны никакие конкретные обязательства. Даже это не разочаровало его, и несколько месяцев спустя он обращается в СС, прося Гиммлера использовать все свое влияние для решения этого вопроса. Он писал, что для него и для его семьи «это будет большим облегчением эмигрантского существования». Но снова его надежды оказались тщетными.

В 1938 году положение Бискупского осложнилось в связи со смертью его покровителя Кирилла, за которой сразу же последовало появление советского правительства и госпожи Чайковской как равноправных претендентов на деньги Романовых. Но нацистский суд счел все эти требования необоснованными, несмотря на все попытки Бискупского представить сына Кирилла Владимира законным наследником состояния Романовых. В конце концов, сказал Гиммлер, Владимир живет во Франции, а Германия сможет сама распорядиться этими деньгами. Когда же Бискупский попытался организовать переезд Владимира в Германию, министр иностранных дел Риббентроп отказал ему в этом на том основании, что подобное событие создаст еще больше проблем в эмигрантской среде.

Вскоре после нападения Германии на Польшу осенью 1939 года Бискупский сделал еще одну последнюю попытку получить эти деньги. На этот раз он обратился Арно Шикеданцу в Ведомстве «Восток». Его главным аргументом было то, что нацисты обязаны вернуть русским эмигрантам, а в особенности сторонникам Кирилла, деньги, одолженные ими в Мюнхене в начале 20-х годов:

«Здесь я должен заметить, что Великий князь Кирилл Владимирович и его супруга одолжили в 1922-1923 годах генералу Людендорфу сумму около полумиллиона золотых марок для решения русско-германских проблем. На основе договора от 12 мая 1922 года, который я заключил с генералом Людендорфом, последний обещал выплатить деньги при первой же возможности. Но всем планам не суждено было сбыться, и деньги оказались потерянными».

Но нацисты вовсе не отличались хорошей памятью по отношению к тем, кто оказывал им политическую поддержку в течение многих лет. И Бискупский не стал исключением. Деньги так и остались в банке Мендельсона, а сам он исчез во время войны, вероятно не всего в гестапо. Так же, как и дело Тёдли, попытки Бискупского заявить свои права на счет Романовых в банке снова показали, что нацисты вовсе не собираются дать себя обхитрить тем, кого они так активно использовали.

РУССКИЕ НЕМЦЫ

В 20-х годах нацисты имели также множество контактов с нерусскими эмигрантами, в особенности с украинцами, грузинами и русскими немцами. Разумеется, идея воспользоваться антирусскими настроениями приграничных областей России в борьбе с центральным правительством ведет свою историю еще со времен первой мировой войны. Вильгельмштрассе во времена Веймарской республики была всегда открыта для нерусских эмигрантов. Относясь скептически к их политическому будущему, Вильгельмштрассе была всегда прекрасно информирована об их политической деятельности. В конце 20-х годов германские разведывательные круги в Рейхсвере даже позволили создать украинскую военную организацию под командованием полковника Евгения Коновалека. Целью этой военизированной организации было проведение террористических актов против польского правительства. Нацисты поддерживали отношения с Коновалекем и созданной им впоследствии Организацией украинских националистов (ОУН) в течение 30-х годов через новую разведывательную структуру генерала Канариса — Абвер. Вначале они также рассматривали сторонников гетмана Скоропадского и разнообразных украинских авантюристов как часть новой ОУН, предпочитая иметь дело с молодыми и более активными украинскими националистами, а не со старым поколением эмигрантов. Нацисты считали, что в случае войны с Польшей эмигранты с Украины могут оказаться полезными как в военном, так и в политическом отношении. В других отношениях маленькая украинская колония в Германии не представляла большого интереса. Полтавец-Острица занимался тем, что написал книгу, доказывая, что украинцы — потомки иранцев и утверждал, что Скоропадский и его сторонники — на самом деле масоны. Роман

Смаль-Стоцкий, глава республиканского движения в ссылке, переехал в Берлин из Варшавы в 1936 году, однако прочные и долговременные связи петлюровско-го движения с Польшей и Францией делали его весьма подозрительной фигурой. Скоропадский и его Гетманский союз, несмотря на денежные субсидии, имел небольшое политическое значение. Кроме того, существовал Украинский научный институт, объединявший ученых и студентов, который Герхард фон Менде пытался превратить в антипольский пропагандистский институт при Ведомстве «Восток», чтобы вывести его из под влияния сторонников Скоропадского. Помимо выпуска многочисленных книг и памфлетов институт мог предложить весьма не-многое. В общем, в 30-х годах украинцы отошли на второй план, пока блицкриг против Польши вновь не напомнил немцам об их возможном использовании.

Исключением был Скоропадский, которого немцы финансировали как единственного значительного прогерманского лидера украинцев. С 1927 года Скоропадский получал ежегодную субсидию в 12 тысяч марок. Немцы очень пристально следили за гетманом и его семьей (например, за визитом его сына в США и Канаду в 1937 году), но давали ему деньги, достаточные только для покрытия его личных нужд. С началом войны могущественные спонсоры бывшего гетмана почти полностью забыли о нем.

Дела грузин шли также плохо, как и у украинцев. В Варшаве существовала весьма пестрая группа, известная как общество «Прометей», объединенная вокруг меньшевистского лидера Джордания, которая пользовалась поддержкой поляков и французов и которая, как заметила Вильгельмштрассе, «ни в коей мере не была дружественно настроена по отношению к национал-социализму». Ее соперницей в Париже была весьма пронацистски настроенная группа грузин и армян, издававших журнал «Кавказ». Но даже и она получала от нацистов только моральную поддержку. Желая воспользоваться антисоветскими настроениями представителей нерусских национальностей, немцы так и не смогли найти ни одной группы, заслуживающей серьезного внимания.

Русские немцы, в отличие от других национальностей, создали свое политическое лобби в Германии задолго до прихода нацистов к власти. В начале первой мировой войны появилось большое число различных организаций: Союз волжских немцев (1918) Иоханеса Шлейнинга, Союз кавказских немцев (1918) Теодора Хюммельса, Союз немцев из польского Конгресса (1919) Адольфа Айхлера, Союз колонистов и других немцев из северной России (1919), Союз колонистов Черного моря (1920), Союз немцев из Москвы и Санкт-Петербурга. В начале 1920-х годов функции этих групп в основном сводились к заботе о русских немцах в Германии, организации помощи их родственникам в Советской России и организации их дальнейшего переезда из Германии в Северную и Южную Америку. Только в 30-х годах ценность русских немцев как опытных критиков

СССР стала очевидной.

В отличие от русских эмигрантов русские немцы сумели достаточно хорошо организовать в 20-х годах. Первая группа, организованная в 1919 году — Комитет немецких групп из старой России — скоро распалась на множество мелких фракций, что было характерно для эмигрантов в целом. Но весной 1921 года конгресс русско-немецких групп в Штуттгарте при поддержке Немецкого зарубежного института сумел организовать Центральный комитет немцев из России для координации деятельности различных разрозненных организаций. В последующие годы этот комитет руководил переездом русских немцев в Канаду, США, Южную Америку и поддерживал их воспоминания о родине такими журналами как «Хеймкер», «Месячники немцев Поволжья», и изданием своего собственного органа «Немецкая жизнь в России». Русские немцы вскоре нашли в Германии благоприятную почву, так как балтийцы Шиман, Рорбах и Альфред Гайзер привлекли к ним еще до войны большое общественное внимание. Кроме того, предпринимались попытки переселения до войны русско-немецких семей в прусскую Польшу.

Именно война заставила столь многих русских немцев вернуться на свою этническую родину. Они тысячами прибывали в 1918-1919 годах в Германию как беженцы, поощряемые самими немцами, которые с энтузиазмом поддерживали их связь с родиной на оккупированных территориях. Те русские немцы, которых немецкая армия использовала для пропаганды во время войны, как, например, Георг Кляйнов и Адольф Айхлер могли продолжать свою агитационную деятельность в интересах «Русланддейчтум» в Германии. Айхлер, польско-немецкий журналист из Лодзи, и Иоханнес Шлэйнинг, министр из Тифлиса, сыграли значительную роль в организации работ по помощи голодающим в 1922 году через Союз зарубежных немцев и в переселении их в Америку в середине 30-х годов. В Германии, как и в России, они оставались убежденными защитниками интересов российских немцев.

К 1925 году около половины русских немцев, которые бежали в Германию после войны, покинули ее. Общее количество выехавших было около 8 тысяч человек: 35 тысяч вольхиньянских немцев, 10 тысяч польских немцев, 2 тысячи немцев с Волги и Черного моря, 5 тысяч балтийских немцев, 5 тысяч немцев из Москвы и Санкт-Петербурга, 400 человек с Кавказа. С этого времени, таким образом, русские немцы составляли достаточно большую часть «русских» эмигрантов, все еще оставшихся в Германии, где-то около 25%. Для русских немцев культурная ассимиляция не составляла особой проблемы, а немецкое правительство взяло их под свою защиту. Для создания благоприятного мнения о себе у немецкой публики русско-немецкий комитет организовал в 1925 году свой собственный журнал «Немецкая почта с Востока», редактором которого был Айхпер. Журнал сообщал новости о судьбе русских немцев в

России и диаспоры в 1920-х и 1930-х годах, и позже стал нацистским органом. В течение всех этих лет для него был характерен открытый прогерманский национализм, постоянное внимание к состоянию русско-германских отношений и осуждение советского режима. Айхлер

писал:»Никто больше русских немцев не осознает той опасности, которую расширение влияния коммунизма представляет для германской нации, и им лучше всех известны те средства, которые Москва использовала для того, чтобы привести большевизм к победе в Рейхе.

Помимо Айхлера, ряд других русских немцев работали для «Немецкой почты с Востока»: Карл Кюгельген, сын бывшего редактора немецко-язычной «Петербургской газеты» который продолжил свою деятельность под эгидой Анτικοминтерна; Георг Лебзак, волжский немец, занимавшийся журналистикой и социальной работой; Б.Х.Унрух, лидер меннонитов Карл Штумпп, отвечавший за русско-немецкие отношения в Немецком зарубежном институте и Аксель Шмидт, балтийский немец, историк. Эта группа вместе с такими известными балтийско-немецкими публицистами, как Пауль Рорбах и Макс Бем продолжала поддерживать в Веймарской Германии образ немецкого островка в российском море.

В 1920-1930 годы новая волна русско-немецких беженцев покинула СССР, спасаясь от ужасов коллективизации. Они были гораздо более озлоблены, чем их предшественники, и обеспечили новый поток антибольшевистских свидетельств для нацистов в течение нескольких последующих лет. Столкнувшись с коллективизацией, новыми налогами и обязательным вступлением в колхозы, тысячи русско-немецких крестьян приехали в Москву осенью 1929 года, пытаясь получить разрешение покинуть страну. Зимой 1929-1930 годов многие из них были вынуждены жить под Москвой в ужаснейших условиях. Под влиянием все возрастающего давления как официальных кругов, так и общественного мнения в Германии, советское правительство было вынуждено, в конце концов, дать некоторым из них разрешение на выезд.

Лидером кампании в Германии по помощи русско-немецким колонистам был Отто Аухаген, атташе по сельскохозяйственным вопросам посольства Германии в Москве, а потом директор Института Восточной Европы в Бреслау. Аухаген считал, что до тех пор, пока большевики управляют Россией, само существование русско-немецкого крестьянского меньшинства находится под угрозой. Эту точку зрения он изложил в телеграмме на Вильгельмштрассе в ноябре 1929 года. В последующие месяцы Аухаген посылал в Берлин целый поток сообщений, подчеркивая ужасное положение немецких крестьян, террор, депортацию кулаков, все возрастающее их желание эмигрировать в Канаду или другую страну. Именно благодаря кампании Аухагена первые меры помощи

русским немцам были предприняты в Германии. В ту зиму грандиозная акция помощи захватила в Германии и официальные круги, и частных лиц. Министерство иностранных дел обеспечило паспорта, необходимые для выезда, президент Гинденбург оказал материальную помощь в размере 200 тысяч марок из своего собственного фонда. Дополнительную материальную помощь обеспечивали также профсоюзные и религиозные организации, организации Красного креста. Разумеется, различные группы русских немцев и немецких эмигрантов из других стран были вовлечены в эту кампанию. В результате два транспортных корабля в декабре 1929 года привезли в Германию около 5700 беженцев, а в следующие два года еще около тысячи. На несколько месяцев они были размещены в лагеря в Пруссии, Гамбурге и Гольштейне, пока не были подготовлены необходимые для переезда в Северную и Южную Америку документы. Большинство эмигрантов покинули Германию, но некоторые, обрадовавшись теплоте приему, оказанному им русско-немецкими лидерами, решили остаться.

Таким образом, симпатии немцев к русским немцам и их ненависть к советскому правительству, которое отнеслось к ним подобным образом, были очевидны еще до прихода нацистов к власти. Еще в 1918 году люди, подобные Иоханнесу Шлейнингу, говорили о бедственном положении своих соотечественников и об обязанности Германии помочь им. Некоторые из этих трудов, например отчеты Карла Линдемманна 1919-1921 годов о его поездках по городам Южной России, были весьма сдержанным описанием личных впечатлений от жизни в России при большевиках. Но, в общем, в трудах русских немцев преобладали ностальгия и немецкий национализм, которые позже, под влиянием нацистов, переросли в антисемитизм и антибольшевизм.

Летом 1930 года Боткин в своем последнем докладе к Гирсу отмечал, что новая волна немецких колонистов из России способствовала усилению враждебного отношения к Советской России. Вначале драматическое положение русских немцев обрисовывали такие опытные и влиятельные создатели общественного мнения, как Аухаген, Отто Хётч из Института Восточной Европы и Георг Кляйнов. Вскоре русские немцы начали рассказывать свою историю сами: «Картины из Советской России» (1930) и «Мой полет» (1931), написанные беженцем Абрахамом Крекером и трилогия о жизни немцев Волги, написанная Иозефом Понтеном, появились почти одновременно. Подобные книги описывали несчастья русских немцев, среди которых коллективизация была лишь последней каплей. Меннониты были «детьми Бога», страдающими от ужасов советского ада, преследуемыми дьяволом в лице большевистских агентов. Русско-немецкие колонисты были самыми законопослушными в России, а неблагоприятное правительство, желая уничтожить частную собственность и религию, разрушило весь уклад их жизни. Озлобленность русских немцев была вполне понятной, как понятно было и удовлетворение нацистов, обнаруживших новый немецкоязычный источник, могущий служить антибольшевистской пропаганде в Третьем Рейхе.

Таким образом, русские немцы легко заняли весьма важное положение во всех областях жизни Германии, которые так или иначе были связаны с Рос-сией. Самый очевидный пример — деятельность отдельных лиц в ведомстве Восток» Розенберга и в Антикоминтерне в качестве антисоветских пропагандистов. Кроме того, нацисты продолжали использовать русских немцев как своих представителей в России: военный атташе Эрнст Кестринг, коммерческий советник Густав Хильгер и за журналиста из балтийских немцев Клаус Менерт и Артур Юст.

Однако они, как интеллигентные и образованные люди, казались заинтересованными в сохранении тех слабых связей, которые еще оставались между двумя странами, погрязшими во взаимной ненависти, и предпринимали попытки для ослабления антисоветской кампании на родине. Но русско-немецкие колонисты были совершенно иными: люди, принадлежащие к среднему классу или же крестьяне, они были гораздо более враждебно настроены по отношению к большевизму и гораздо элезнее для нацистов в пропагандистских целях. При помощи Эрта и Ляйббрандта в сотрудничестве с русско-немецкими лидерами нацисты легко извлекли эту группу к себе на службу. Часть русских немцев лично вступила в нацистскую партию. Гида Диль, стала главой женской националистичес-ки группы «Нойланд Хаус», а затем лидером нацистского женского движения. Герберт Бакке, немец с Кавказа в начале 20-х годов вступил в партию, а затем был представителем нацистов в русском ландтаге, а во время войны директором министерства продовольвия при министерстве сельского хозяйства. При помощи Ляйббрандта и Эрта часть эмигрантов также нашла временную работу в качестве секретарей и авторов статей для ведомства «Восток» и Антикоминтерна.

Нацисты также столкнулись с необходимостью координации деятельности многочисленных русско-немецких организаций, для чего была создана новая группа, известная как Союз немцев из России.

Группа была основана в 1935 году под руководством Адольфа Фраша, но самом деле это был проект Ляйббрандта и ведомства «Восток». У Союза были две основные функции: во-первых, объединить различные русско-немецкие группы под единым руководством, которое было бы ответственно непосредственно перед немецким правительством, и, во-вторых, обеспечить по-этическое оружие для пропагандистской агитации среди русско-немецких колонистов в других странах, в особенности в Северной и Южной Америке. Получавший денежную помощь ведомства «Восток», Министерства иностранных дел и Антикоминтерна, Союз был создан Розенбергом как чисто политическая организация для объединения многоязычных русских немцев в их пропагандистской деятельности на родине за границей. Для этих целей

Союз при помощи нацистов получил контроль над «Немецкой почтой с Востока» и превратил его в главный орган русских немцев.

Многие из русско-немецких журналов продолжали писать для «Немецкой почты с Востока». Среди них были Кюгельген, Георг Лёбзак, Аксель Шмидт, Б.Х.Унрух и Ханс Ремпель, но их статьи приняли несколько иной, более угодный их новым хозяевам тон. На страницах газеты начали появляться знакомые темы: большевизм был «татарской империей», формой «азиатско-московского марксизма под руководством евреев», нацисты же, напротив, являли собой защитников европейской цивилизации от «азиатско-африканского вырождения». Шойбнер-Рихтера запомнили как одного из первых русских немцев, вступивших в нацистскую партию, а оккупация в 1938 году Судетской области была встречена с энтузиазмом. Русские немцы, писал Харальд Зиверт, не только нашли в Германии новую родину, но и помогли открыть немцам глаза на опасности большевизма, иудаизма и масонства. В будущем же они помогут немцам в «культурной работе» в новой России, освобожденной от коммунистического ига.

Другой организацией, интересующейся судьбой русских немцев, был Немецкий зарубежный институт в Штуттгарте. Глава русско-немецкого отдела, Карл Штумпп, в 30-х годах редактировал книги и памфлеты, посвященные жизни в немецких колониях в России, и проводил исследования, доказывающие арийское происхождение отдельных личностей. Он также предпринимал попытки получения дополнительных денежных средств для помощи русско-немецким эмигрантам, большинство из которых к этому времени уже жили в Америке. Разумеется, существовало соперничество между Фрашем и Штумппом в их работе с беженцами, которое было частью обычного бюро-кратического раздела сфер контроля над делами эмигрантов. В июле 1938 года было подписано соглашение о сотрудничестве в вопросах русско-германских отношений для попытки преодоления разницы мнений. Однако обе эти группы продолжали свою политическую и социальную деятельность в достаточной мере независимую друг от друга.

Большая часть работы русских немцев в 30-х годах представляла собой именно социальную помощь эмигрантам. Но эта же группа наиболее активно участвовала во всех видах деятельности, связанной с антибольшевистской пропагандой. Помня все обиды, нанесенные им советской властью, и легко привыкнув к жизни в Германии, русские немцы быстро перешли к полной солидарности с режимом.

Подписание пакта Молотова-Риббентропа положило конец столь долго поддерживаемым отношениям между нацистами и русской эмиграцией. До недавнего

времени эмигрант-тами пользовались как агитаторами против большевизма. Теперь же они стали очевидным политическим пре-пятствием на пути новых советско-германских отношений, сложившихся во время оккупации Польши, войны на Западе и против Британии. Толь-ко после немецкого нападения на СССР 22 июня 1941 года эмигранты снова стали играть заметную роль в политике Германии.

Сразу же после нападения на Польшу в сентябре 1939 года эмигрантская деятельность в Германии была резко приостановлена: «Новое слово» было закрыто, циркуляр гестапо от 25 октября по вопросу о русских, украинских, казачьих и кавказских эмигрантах в Рейхе» открыто заявлял, что подписа-ние пакта означает «резкое ограниче-ние» деятельности эмигрантов, антисо-ветской полемики, собраний, маршей и демонстраций. Это и составляло осно-ву нацистской политики вплоть до раз-вязывания в 1941 году войны против СССР. Членство в эмигрантских клубах и организациях было разрешено толь-ко лицам без гражданства и запрещено для граждан Германии, эмигрантскую прессу заставили замолчать, а ношение формы и флагов было официально от-менено. И даже в июне 1941 года офи-циальные круги утверждали, что «сло-жившаяся политическая ситуация» делает любую политическую дея-тельность эми-грантов опасной для сохранения советско-германских отношений.

Жизнь русских эмигрантов стала не менее сложной. «Немецкая почта с Востока» была на некоторое время закрыта, а Адольф Фраш и Союз не-мцев из России с трудом смогли обес-печивать дальнейшую материальную поддержку эмигрантам, хотя нацисты и позволили немцам, жившим в окку-пированной Польше, вернуться в Гер-манию. Дела украинцев обстояли не-сколько лучше. Все это время Скоропадский продолжал получать матери-альную помощь от ведомства «Вос-ток», адмирал Канарис из Абвера под-держивал более радикальных лидеров ОУН, а Ляйббрандт зимой 1939-1940 года организовал освобождение из тю-рем гестапо ряда украинских лидеров. Во время подготовки плана Барбарос-са весной 1941 года украинцы смогли продолжить свою антисоветскую дея-тельность при немецкой поддержке и руководстве.

После нападения Германии на СССР эмигранты снова оказались полезными. Несмотря на официальное запрещение Розенберга, эмигранты из Парижа, Бер-лина и Варшавы продолжали возвра-щаться на оккупированные немцами территории, пытаясь найти работу вра-чей, инженеров и переводчиков. Рус-ско-немецкое окружение Розенберга, а именно Ляйббрандт, Шиккеданц и фон Менде теперь стали ключевыми фигу-рами в управлении восточными терри-ториями. Наконец, была предпринята попытка использовать эмигрантов и военнопленных в воинских подразде-лениях для помощи восточному фрон-ту. Вначале при поддержке Канариса были организованы отряды ОУН, а за-тем целая армия из советских военноп-ленных под командованием генерала Власова.

Русские в Третьем рейхе

Автор: Роберт Уильямс
08.04.2011 20:21 -
